

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Г. Гусейнов)	7
I. ОБ ЭТОЙ КНИГЕ	13
II. ЗАГАДОЧНАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА	17
III. ГОРЕ ОТ УМА	26
IV. ВСТРЕЧА ЖИВОГО ЯЗЫКА И МЕРТВОЙ РЕЧИ	34
V. ЦВЕТЫ РЕЧЕВОЙ ЖИЗНИ ЯЗЫКА	44
VI. ДЕТИ — БУДУЩЕЕ РЕЧИ	52
VII. ЯБЛОНИ И ЯБЛОКИ	61
VIII. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ УЧЕНЫХ	69
IX. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОРЬБЫ УЧЕНЫХ ШКОЛ	79
X. ЛАТЫНЬ ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ	88
XI. ОТТЕНКИ СЕРОГО	97
XII. РОЖДЕНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	110
XIII. СКРЫТАЯ УГРОЗА	119
XIV. МЫШЛЕНИЕ И РЕЧЬ	126
XV. ПРИВЫЧКА ПРОТИВ ПРОСВЕЩЕНИЯ	136

XVI. РЕЧЬ ПРОТИВ ЯЗЫКА: ТРОЛЛИНГ	146
XVII. ПРИМЕР ОДНОГО РАЗГРОМА	157
XVIII. СМЕЯТЬСЯ ПОСЛЕ СЛОВА «ЛОПАТА»	169
XIX. НЕ СУДИТЕ И НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ	187
XX. ОТПАВШИЕ ОТ БОГА АНГЕЛЫ.	197
XXI. ПРЕДМЕТ (ОБЪЕКТ) ПОИСКА ПСИХОЛИНГВИСТОВ.	208
XXII. СВЕТ И ТЬМА.	219
XXIII. ВЫВОД	230
XXIV. ДОПОЛНЕНИЯ (SUPPLEMENTA) ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ (В ТЕНЕТАХ НАУЧНЫХ МУДРОТ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ФИЛОСОФОВ, ПСИХОЛИНГВИСТОВ, ПСИХИАТРОВ, ПСИХОТЕРАПЕВТОВ И ПСИХОЛОГОВ)	233
ПРИМЕЧАНИЯ	243

ПРЕДИСЛОВИЕ

Готов держать пари, что более удивительной, странной, местами почти безумной и на каждой странице вызывающей, провоцирующей книги под таким простым и вместе с тем многослойным названием читатель еще никогда не держал в руках. Скажу больше. Она написана представителем поколения (автор родился в 1969 г.), из которого при более благоприятном ходе истории и клещами нельзя было бы вырвать того, что в конце концов он все-таки написал. На что осмелился.

Но сначала несколько слов о содержании книги и об ее авторе.

Дмитрий Евгеньевич Новокшонов — питерский филолог-классик и гебраист, а к тому же выпускник двух военных учебных заведений — решил написать академическую, хотя и не вполне научную, или, может быть, научную, хотя и не академическую, книгу, которая позволила бы ему сплести в многожильный провод четыре измерения жизни. С одной стороны, и это — главная жила, он видит мир, планирует свою жизнь, вспоминает прошлое как филолог и в особенности этимолог. Ничто в конечном счете так не волнует Новокшонова, как происхождение и скрытое родство слов. «Специалист подобен флюсу, — повторяет он изречение Козьмы Пруткова, — полнота его одностороння».

Вторая жила в сплетаемом автором многожильном проводе — это зуб, который Новокшонов за десятилетия жизни и работы в университете и в газете вырастил на язык современной гуманитарной науки и прежде всего — науки психолингвистики. Мастер давать раздраженную или глумливую, но неприятно точную формулу чужой многословной жвачке, Новокшонов дрожит от страстного желания остановить «подорожание болтовни». Каждая книга должна выходить в свое время, и гуманитарным наукам советской эпохи и первой четверти постсоветского столетия страшно повезло, если бы некоторые суждения Новокшонова могли выходить по мере

поступления новой научной литературы. Эта психолингвистическая жила — результат включенного наблюдения за тем, как «мертвая речь поедает живой язык». Можно ли назвать эти главы, скажем, «критикой современной психолингвистики»? Никак нет. Автор убедительно показывает, что традиционные жанровые определения нуждаются в пересмотре, и сейчас нужно говорить о троллинге. Как Ленин, Троцкий или Марр троллили современников своими речами и текстами, так он, Новокшенов, троллит лингвистов XX века. Главным образом тем, что цитирует их, а потом переспрашивает, что бы такого те хотели вложить в свои речи и почему это не всегда получилось.

Третья жила в многожильном проводе, тросе, канате, ухватившись за которой, мы движемся, продвигаясь в книгу, — это интеллектуальная биография самого автора. Точнее, его интеллектуально-экзистенциальный бэкграунд яркого римлянина, даже римского воина, очнувшегося после тяжелого двухтысячелетнего сна в наших северных болотах и начавшего осознавать себя в этом странном мире «Римским невозвращенцем» (так называлась первая книга Новокшенова, выпущенная в 2013 г.). Хватая воздух жадным многоязыким ртом и ощупывая незнакомые предметы, Новокшенов обнаруживает то некое, что ему в этом мире нравится или могло бы нравиться, как этому самому воображаемому римлянину.

О ужас для меня, леволиберального космополита с социалистической проседью! Дмитрий Евгеньевич Новокшенов — военная косточка. Неужели его кумир — наш советский солдатский император товарищ И.В. Сталин? Как же так, почему? Ведь автор — образованный человек...

А все дело в том, что, дитя перестроечного СССР, Новокшенов вот уже четверть века анализирует ненавидимый им позднесоветский и постсоветский научный и социальный дискурс. Как филолог-классик и гебраист, глумящийся над мимами,

создающими теории,
изливающимися на читателя,
бессильного сопротивляться,

Новокшонов выбрал самую неудобную, прямо-таки рыцарскую позицию для борьбы. По современному научному дискурсу он ведет огонь из построек «сталинского ампира», а большевиков обстреливает из середины XIX века. Эта третья жила — загадочное и даже обценное признание в уважении к самой адской фазе советской истории — не за то ли, что тогда расцвели в СССР пять кафедр классической филологии и ненадолго в школы вернули логику? Эта третья жила в книге изолирована слабее всего, и читателя будет бить током всякий раз, как Новокшонов тронет за рукав рябого черта.

Четвертая жила — личная, человеческая, биографическая. Есть несколько личностей, в которых он надеется найти опору в будущем; во-первых, это ребенок, с которым со временем будут говорить психолингвисты, прочитавшие книгу самого Новокшонова; во-вторых, это учителя Новокшонова — филологи Александр Иосифович Зайцев и Аристид Иванович Доватур.

Новокшонов усвоил от них любовь к этимологиям и «странным сближениям», презрение к современности и любовь к рискованному жесту. Из Древнего Рима и русского мира в его голове выстроилась новая стебная, троллинговая, глумливая, ерническая концепция восточнославянского мирового древа, согласно которой вместо трех знакомых ветвей, выросших из одного ствола, мы имеем дело с двумя потоками русских — «серых» (Сергеев, северян) и «яванов» (Иванов, южан). Все они — наследники римских легионов, которых судьба, черт или неведомая древняя экспериментальная компьютерная игра закинула в наши края.

Каждое отдельное звено то залихватских, то захватывающих, то завиральных реконструкций Новокшонова, начинающихся с вполне научных изысканий, но нечувствительно сворачивающих в сторону *Ultimae Tulae* Андрея Николева — А.Н. Егунова, напоминает совсем о другой традиции, отзвуки которой автор получил за годы пребывания в Ленинградском университете, ставшем Санкт-Петербургским. И хотя имя Андрея Николаевича Егунова (Андрея Николева) ни разу не упоминается в книге, это именно его последнее стихотворение задает тон пятой жиле, или струне прихотливой лиры Новокшонова.

Для наших русских — русичей иль россов —
 Среди помойных ям и собственных отбросов
 Мир оказался тесен, и в ничто
 Они себя спихнуть старались разом.
 Пустые розы на откосе у траншеи,
 Уже пустой,
 Болтаются, как голова на шее,
 И шепотом кивают соловьям,
 Зиянье ям преображая в плесень:
 Вы, вы вымерли, и мы хотим за вами,
 О Боже мой, кто нас сорвет,
 Кто нас возьмет домой,
 В жилище призраков и русских, и российских,
 Убийственных, витийственных и низких?

В 1990-е годы автор зарабатывал, среди прочего, тем, что был тренером по у-шу. С головой окунулся в журналистику, работал в питерском отделении «Коммерсанта», где писал и под собственным именем, и под псевдонимами Овцын и Баранов. Это потом, в конце «нулевых», он остепенится и вернется в университет, чтобы преподавать риторику и греческий с латынью. А в первое постсоветское десятилетие Новокшенов переживает то, что тогда называли «тектоническим сдвигом». Этот сдвиг коснулся всех.

Новокшенов нашел едва ли не самый интересный способ удержаться на доставшемся ему фрагменте плиты. Он решил доказать себе и миру, что есть вполне академический способ стряхнуть с русского языка корку чужой речи — советской, постсоветской, научной, псевдонаучной, либеральной, интеллигентской. Римский воин, родивший русского офицера, должен был вернуться из далекого похода. Из далекого поля, куда добрались солдаты Красса. Вернее сказать, с полей гигантской книги (на ютубе можно в качестве внешней иллюстрации к книге посмотреть и прослушать восхитительный доклад Новокшенова об этимологии слова *margo*, края, поля). В книге он должен был вернуться с главным орудием русского и римского воина — с лопатой.

Этой не метафорической, а прямо-таки натуральной лопатой Новокшенов раскапывает язык психолингвистического

истеблишмента. В союзники автор, я думаю, не случайно приглашает историософа-мистика Льва Гумилева. В духе пародийных биографий «Новейшего Плутарха», которого написали в заключении Л.Л. Раков, В.В. Парин и другие ленинградские филологи-классики в целях сохранения душевного равновесия и умственного здоровья во Владимирском центре. Свой язык, который нужно спасти от чужой речи, — вот цель автора. Конечно, он пишет свою книгу в гораздо более щадящей атмосфере и в неизмеримо лучших условиях. Но проблему, поднятую учеными в «Новейшем Плутархе», решает в духе античной традиции серьезно-смешной сатуры. Как они, Новокшенов и пародирует речевые стратегии современной психолингвистики, и предлагает целую россыпь вполне серьезных этимологических догадок и находок, и перехватывает любимые мотивы современных мимов от любительского языкознания, *nomina* коих *sunt odiosa*.

Маленький фантасмагорический роман из второй жизни латинского языка в морозных русских пределах, переплетенный с академическим трактатом по греко-латинской этимологии, вплетенный в инвективы по адресу современного научного метаволапюка, — это и книга-загадка, в которой на каждой странице читателю предлагается выбор: идти ли тебе за чужим стебом, глумом и троллингом или отращивать критическое ухо и критический глаз для понимания творческого порыва автора.

Пусть эпиграфом к книге Дмитрия Евгеньевича Новокшенова будет позднее стихотворение Андрея Николева (А.Н. Егунова):

В стране советов я живу,
 Так посоветуйте же мне,
 Как миновать мне наяву
 Осуществленное во сне?
 Как мне предметы очертить
 И знать, что я, а что не я —
 Плохой путеводитель нить,
 Бесплотная как линия.
 Действительность скользит из рук,
 Почти немислимый предел

Мне примерещился и вдруг
Вещественностью завладел.
Гоню математичность в дверь,
Довольный тем, что окон нет —
Невинностью она как зверь
И для меня, и для планет.

Гасан Гусейнов

I. Об этой книге

Название книги выглядит как «Пчелы против меда» или «Рок против наркотиков» только для непосвященных. Русскоязычные ученые, называющие себя лингвистами и изучающие говорящего *homo sapiens*, давно договорились между собой, что слова «речь» и «язык» обозначают разные вещи. У немцев такого нет: понятия языка и речи у них еще слиты в одном слове — *Sprache*.

Согласно этому договору, а точнее установлению высокого научного начальства, «речь» — это язык в действии, а «язык» — это явление, точнее — целостное неразрывное единство или, иначе говоря, естественно сложившееся неопределенно целое из знаков (примеч. i).

Название этой книги описывает расклад, когда целостное неразрывное единство начинает действовать против естественно сложившегося неопределенно целого из знаков: речь против языка.

Для образно мыслящего читателя это противодействие можно изобразить в виде пожирающей себя от хвоста змеи. Понятно, что результат такого действия хорошим для змеи быть не может.

Однако сравнение языка со змеей все-таки слишком художественно. Змея чувствует боль, язык боли не чувствует. Потому в истории появилось немало мертвых языков и языков с сильно отъеденным хвостом. Можно сказать резче: все известные живые языки имеют отгрызенный речью хвост.

В природе есть случаи, кажущиеся людям неразумными. Например, самка богомола убивает оплодотворяющего ее самца (примеч. ii), паучиха «черной вдовы» в большинстве случаев съедает самца после совокупления (примеч. iii). Знатоки жизни насекомых энтомологи считают, что самцы, когда их заживо пожирает самка каракурта, боли не чувствуют, как не чувствует боли язык, умерщвляемый речью.

В человеческом обществе подобного рода бесчувствие изучают особые виды ученых: невропатологи, психологи, психиатры и психотерапевты. Невропатологи занимаются случаями, когда страдалец не властен над своим телом. Многие из таких заболе-

ваний сопровождаются изменением поведения и мировосприятия больного, тогда к его лечению привлекаются психиатры, психотерапевты и психологи.

Рассуждая об отношении головы и хвоста у змеи, нельзя забывать, что речь не может существовать без языка. Язык же может выжить без речи, будучи в своем носителе, пусть даже многие годы сидящем в тюрьме или являющемся отшельником.

Веками загадками речи и языка занимались филологи-языковеды. Но лишь более полувека назад часть из них, обозвав себя лингвистами (языкатыми), занялась речью и сознанием двуногих, призвав на помощь слабо знающих языки психологов, психиатров и психотерапевтов. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Вред, который нанесли увлеченные поиском истины исследователи, будет трудно преуменьшить. Однако приуменьшить его необходимо.

Среди врачей не принято называть страдания больных понятными им словами. Обманчиво и название психиатров, психотерапевтов и психологов, из которого можно сделать неверный вывод, что они изучают и лечат душу больных, слово ψυχή — псүхэ в греческом языке значит «душа». Однако лишь очень редкий психиатр, психотерапевт или психолог признает, или даже допустит существование сущности под названием «душа». Для большинства из них человек есть разумное животное, обладающее сознанием. Каждый из них точно знает, что главным отличием этого животного от других является речь (примеч. iv).

Важнейшие наблюдения, изучая речь покалеченных русских солдат, сделал один из прародителей психолингвистики А.Р. Лурия:

Мало понять непосредственное значение сообщения. Необходимо выделить тот *внутренний смысл*, который стоит за этими значениями. Иначе говоря, необходим сложный процесс перехода от «текста» к «подтексту», т.е. к выделению того, в чем именно состоит центральный внутренний смысл сообщения, с тем чтобы после этого стали понятны *мотивы*¹, стоящие за поступками описываемых в тексте² лиц.

¹ Намерения. От фр. *motif* из лат. *moveo*, двигаю. То, что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается.

² Лат. *textus*, ткань: осмысленный набор знаков.

Это положение легко проиллюстрировать на одном примере. В «Горе от ума» А.С. Грибоедова последний возглас Чацкого «Карету мне, карету!» имеет относительно простое значение — просьбу подать карету, в которой Чацкий мог бы уехать со званого вечера. Однако *смысл* (или подтекст) этого требования гораздо более глубокий: он заключается в отношении Чацкого к тому обществу, с которым он порывает.

Таким образом, внутренний смысл высказывания может расходиться с его внешним значением, и задача полного понимания смысла высказывания или его «подтекста» заключается как раз в том, чтобы не ограничиваться раскрытием лишь внешнего значения сообщения, но и абстрагироваться³ от него и от поверхностного текста перейти к глубинному подтексту, от значения — к смыслу, а затем и к мотиву, лежащему в основе этого сообщения.

Именно это положение и определяет тот факт, что текст может быть понят или «прочтен» с различной глубиной; глубина «прочтения» текста может отличать различных людей друг от друга в значительно большей степени, чем полнота восприятия поверхностного значения.

Это положение о важности перехода от внешнего значения текста к его глубинному смыслу хорошо известно литераторам, актерам, режиссерам, и, несомненно, анализ этого процесса должен занять в психологии значительное место. Анализ перехода от понимания внешнего значения сообщения к пониманию «подтекста», перехода от значения к внутреннему смыслу сообщения является одним из самых важных (хотя и наименее разработанных) разделов психологии познавательных процессов (примеч. v).

Все эти непростые построения Лурия совершенно не относятся к данному сочинению. Его необходимо читать поверхностно, видя в написанных словах их самые простые смыслы, предложенное следует понимать буквально, как это делала бессмертная собака И.П. Павлова.

Собаки, псы являются животными, скотиной. Психологи считают, что у скотины нет совести, но для них очевидно, что животные обладают сознанием. В ряде европейских языков — в греческом, латинском, французском, итальянском, испанском — «сознание» и «совесть» — одно понятие, в русском — два (сознание = совесть) (примеч. vi). Слово «совесть» возводят к очень древнему переводу новозаветного греческого *συνείδησις*. Слово «сознание» появляется в начале XIX в. как калька с латин-

³ Отвлечься.

ского *conscientia* (примеч. vii). Только по-русски можно представить «бессовестное сознание» и «бессознательную совесть» (примеч. viii).

Это расщепление единого на два похоже на расщепленность пары «язык — речь», хотя еще и не так заметно при сопоставлении «языкатой речи» и «речистого языка». В том, что слово «сознание» вытеснило из русской речи слово «совесть», особенно велика заслуга психологов, психиатров, психотерапевтов и психолингвистов. Одновременно из языка ученых исчезло слово «душевнобольной».

Считая исследуемых ими людей умными животными с сознанием, русскоязычные исследователи не могли обходиться без особого вида речи, создавшей новояз, понимание которого стало означать знание их учения и ремесла — психолингвистики. О ней написана эта книжка, изготовленная по образу и подобию краеугольного труда Л.С. Выготского «Психология искусства», положенного в основание советской психологии и психолингвистики.

Автор благодарен магистру журналистики Санкт-Петербургского государственного университета К.И.У. Мирзакаримовой и доктору философии Тюбингенского университета В.В. Ребрику, вычитавшим рукопись.

Сочинитель бесконечно признателен главному редактору ИД ВШЭ В.В. Анашвили, рискнувшему представить итог 20-летних исследований на суд русскоязычного читателя.

В предисловии к книжке, написанном классиком и профессором ВШЭ Г.Ч. Гусейновым, упоминается А.Н. Егунов-Николев. Сравнение с А.Н. Егуновым для сочинителя дорого. Надеюсь, оно было заслуженным хотя бы отчасти.

II. Загадочная психолингвистика

Что такое психолингвистика, не могут объяснить сами психолингвисты. До сих пор нет даже внятного определения слову «психолингвистика», на Западе и в Российской Федерации его понимают по-разному¹. Один из столпов науки с таким названием И.Н. Горелов поименовал психолингвистику молодой наукой и ядром направления².

Психолингвистика составляет ядро антропоцентрического направления в лингвистике. При том, что объект исследования — языковая личность — у разных дисциплин, составивших антропологическое³ языкознание, общий, каждая из представленных молодых наук имеет свой предмет изучения. Предметом психолингвистики выступает языковая личность, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте... Психолингвистика — наука довольно молодая. В нашей стране и за рубежом она возникла примерно в одно и то же время; в конце 50-х — начале 60-х годов XX века (примеч. ix).

Названный Гореловым «отцом советской психолингвистики» А.А. Леонтьев признался: «Обозначаемое этим термином понятие не вполне соответствует термину...⁴. С другой стороны, термин “психолингвистика” во многом соблазнителен» (примеч. x).

Языковому чутью Леонтьева можно доверять, в 1958 г. он окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «немецкий язык». Леонтьев учился во времена, когда о происхождении немецкого языка не было ясного представления (примеч. xi), но будучи германистом он не допускает в своих изданных на русском языке трудах использования слов из не-

¹ Это разное понимание схоже с разным пониманием слова и науки «антропология».

² Направление: устремление, веяние, дух, завкасса, настроение, лат. *intentio*.

³ Человеческое.

⁴ Лат. *terminus*, межевой знак, предел, окончание. Здесь и далее — слово.

мецкого, английского и французского языков без перевода. Однако это не делает их, как и другие работы психолингвистов, легче для восприятия русскоязычным читателем со средним образованием.

Вообще, засоренность работ психолингвистов, психологов, психиатров и психотерапевтов непонятными неподготовленному читателю словами избыточна (примеч. xii). Подавляющее большинство непонятных ученых слов имеет латинский и греческий исток. Это естественно, так как современный язык науки и речи ученых вырос из латыни.

Изучение мертвых латыни и греческого было неотъемлемым признаком учености и до сих пор именуется классическим образованием. Классическое образование начало складываться в Европе в эпоху Возрождения, когда резко возрос интерес к прошлому до утверждения господства Римской церкви. В XIV–XV вв. латинский и особенно греческий языки просветители⁵ рассматривали как единственное средство приобщения к забытым в предыдущие столетия науке и искусству Греции и Рима. Из всех основателей психолингвистики лишь Л.С. Выготский определенно занимался не только древнееврейским, но и древнегреческим и латинским языками (примеч. xiii). А.А. Леонтьев (примеч. xiv) и, видимо, А.Р. Лурия (примеч. xv) имели о них недостаточное представление.

Свою осведомленность в классической филологии Выготский показывает как переводом на украинский язык латинского *Delirant reges, plectuntur Achaei* («Сумасбродствуют цари, а наказываются ахейцы», «Пани скубуються, а у мужиків чуби тріщать») (примеч. xvi), так и особым пониманием греческого слова κάθαρσις (катарсис), о котором не один век спорят знатоки древнегреческого и латыни (примеч. xvii). Основатель отечественной психолингвистики назвал это слово «не имеющим определенного значения»⁶ (примеч. xviii), что отметил также его последователь А.Н. Леонтьев (отец А.А. Леонтьева) (примеч. xix):

Значение этого термина у Выготского, однако, не совпадает с тем значением, которое оно имеет у Аристотеля; тем менее оно похоже

⁵ Гуманисты, от лат. *humanitas*, человечность; *humanus*, человеческий; *homo*, человек.

⁶ Вроде слов «макавка» или «амбомоноиндивидуальность».

на то плоское значение, которое оно получило в фрейдизме⁷. Катарсис для Выготского не просто изживание подавленных аффективных влечений⁸, освобождение через искусство от их «скверны». Это, скорее, решение некоторой личностной задачи, открытие более высокой, более человеческой правды жизненных явлений, ситуаций (примеч. xx).

Ныне мертвые древнегреческий и латынь стали языками посвященных, феней⁹, наподобие лагерной, воровской, блатной, военной или научной, терминологическим аппаратом. В действительном мире их ясное и полное понимание сохранилось лишь в классической филологии.

«Классик» слово любопытное. *Classicum* — это сигнал, дававшийся военными музыкальными инструментами к началу сходов по сотням (примеч. xxi) и к началу сражения. Как только на палатке полководца (примеч. xxii) развевалось красное знамя (примеч. xxiii) как общий призыв готовиться к предстоящей битве, музыканты легиона все вместе (примеч. xxiv) давали сигнал к выступлению в бой (примеч. xxv). Команда к этому исходила только от полководца (*imperator*) и могла исполняться только в его присутствии. Этот же сигнал раздавался также при смертной казни солдата, совершившего преступление. Впоследствии *classicum* раздавался и при казнях граждан, совершавшихся за городскою чертою Рима (примеч. xxvi). Словарные значения слова классик (*classicus*): перворазрядный, военно-морской.

И.В. Сталин сыграл решающую роль в возрождении отечественной школы академической классической филологии после ее последнего разгрома во время Гражданской войны. В СССР кафедр классических филологий было четыре: в Ленинграде, Москве, Тарту и Тбилиси¹⁰. В 2013 г. последние кафедры классической филологии в Российской Федерации удалось спасти после жесткого сетевого троллинга малограмотных чиновников в Министерстве образования. Вожди Российской Федерации

⁷ Что такое «плоское значение во фрейдизме», Леонтьев не объясняет, однако из его утверждения следует, что существуют значения и не плоские: объемные, впуклые, выпуклые и т.д.

⁸ Страстных влечений. Лат. *affectus*, переживание, душевное волнение, страсть.

⁹ «Уж феней латынь точно не стала» — замечание А.Б. Егорова.

¹⁰ В.В. Ребрик указал еще на г. Львов, а А.Б. Егоров припомнил уничтоженных классиков.

чуть не повели молодежь по пути средневековой Европы темных веков, когда предложили закрыть кафедры классической филологии (примеч. ххvii).

Со Средневековья в Европе, как и в СССР, и сейчас в Российской Федерации, носителям новых языков латынь казалась уже не только приметой образованности, но и тайноязычием посвященных.

Непонятность считалась ради непонятности, из глоссариев¹¹ извлекались редчайшие слова неведомого происхождения, простые понятия описывались сложными перифразами¹², члены предложения перетасовывались в фантастическом¹³ порядке. Образцы таких текстов дошли до Африки, Британии, Галлии; наиболее известны «Гесперийские речения» (примеч. ххviii), сборник школьных латинских упражнений из кельтской Британии; вот как приблизительно описывается в них утро учебного дня: «Титанова олимпийскую пламенит квадрига потолочность, пучинные пареньями зарит флюиды, огневержным надмирные сечет багрецом полюсы, выспрь ристает датную твердь...». Теоретический¹⁴ фон¹⁵ таких упражнений раскрывают сочинения грамматика из Тулузы (по-видимому, начало VII в.), писавшего под громким псевдонимом Вергилий Марон: он пишет о «двенадцати латынях», о «раздрании словес», об анаграммах, инверсиях, сокращениях слов, о языках «для вещания таинств», а обращает свои писания к братьям-грамматикам, которые носят имена «Гомера», «Цицерона», трех «Луканов» и т.д., ссылаются на неведомые грамматические авторитеты ромуловых времен, ведут двухнедельные диспуты о том, каков звательный падеж от «я», и чтут «философию», включающую в себя науки, «не столь несущие пользу, сколь утоляющие любознательность». «Перед нами картина полуученой игры в ученость, перерастающей в автопародию; где здесь благоговейное отношение к слову переходит в богохульное, сказать вряд ли возможно»,

— заключил С.С. Аверинцев:

¹¹ Лат. *glossarium*, собрание сносок. Глосса (греч. γλῶσσα, язык, речь) — иноязычное или непонятное слово в тексте книги с толкованием, помещенным над самим словом, под ним (как здесь) либо рядом на полях.

¹² Греч. περίφρασις, пересказ. Прием болтовни, заключающийся в замене какого-либо слова или словосочетания описательным оборотом речи, в котором указаны признаки неназванного прямо предмета.

¹³ Греч. φανταστικός, от *phantazo*, воображаю.

¹⁴ Греч. Θεωρία, смотрение, исследование; позднее — умозрение, учение.

¹⁵ Фр. *fond*, общая основа.

Светская школа в темные века прекращает свое существование почти повсеместно — когда вьеннский епископ Дезидерий попытался ввести в преподавание обычный материал античных грамматик, он получил суровый выговор от Григория I: «не подобает единым устам гласить хвалу Христу и хвалу Юпитеру». Лишь в самых высоких церковных кругах была сделана попытка отделить деловую, фактическую сторону античной культуры от ее идеологического «языческого» осмысления и принять первую, не принимая второй. Такой попыткой была огромная энциклопедия, составленная епископом Исидором Севильским (ок. 570–636 гг.) — «Этимологии, или Начала» (примеч. xxix). Этот каталог мироздания призван был полностью освободить читателей от обращения к языческим первоисточникам; и действительно сочинение Исидора стало основным запасом знаний о мире для всего Средневековья (примеч. xxx).

Средневековое мышление отличалось от современного и описано как буддийское. Важнейшая особенность этого мышления, по остроумному определению Ферреро (примеч. xxxi), — *arrêt mental* — остановка мысли, недодумывание до конца, поражающее нас отсутствие [современной] логики:

В Средние века писатель или художник пользовался, как бы мы сейчас сказали, кодовым (примеч. xxxii) языком (примеч. xxxiii), а читатель и зритель не просто читал и смотрел, а переводил с языка тайнописи на свой язык¹⁶. Ум тех, для кого предназначались эти произведения средневекового искусства, был ориентирован символически¹⁷, и перевод осуществлялся «с листа», почти произвольно... Рефлекс¹⁸ сознания — искать под одним смыслом другой (примеч. xxxiv) был настолько силен, что делал возможным такие адаптации¹⁹, как создание монашеского Овидия, т.е. приспособление для дидактических²⁰ целей даже его фривольной²¹ *Ars amandi*²². Если современный зритель увидит на капители (примеч. xxxv) ро-

¹⁶ Код передает понятие.

¹⁷ Из греч. σύμβολον, знак. Ориентирован символически = направлен на знаки (понятия).

¹⁸ Лат. *reflexus*, отраженный.

¹⁹ Позднелат. *adaptatio*, прилаживание, приспособление.

²⁰ Греч. διδακτικός, поучающий.

²¹ Фр. *frivole*, легкомысленный, не вполне пристойный.

²² Наука любви.

манского собора в Отене (XIII в.), как аббат и аббатисса²³ дерутся за пастырский посох, он скорее всего расценит сценку как гротескную²⁴ и даже антиклерикальную²⁵. Как далек, однако, подлинный смысл отенского изображения от этих само собой напрашивающихся объяснений! (примеч. xxxvi).

Порча латинского языка на Западе и Востоке породила трудности перевода, которые позволяют уму обмануть стремящийся расправиться с ним разум. Накопившись, эти трудности привели к Реформации²⁶ в Европе (примеч. xxxvii). В России реформации-перестройки тоже были не раз, последняя началась в 1986 г. Исток этой перестройки в СССР также лежит в сочинениях ученых, в число которых можно записать последователей таких ремесел, как психология, психиатрия, психотерапия и психолингвистика.

Вообще средневековые сочинения на латыни напоминают современные русскоязычные писания в большинстве отраслей научного знания. Порядочные ученые давно пишут об этой напасти. Л.С. Клейн в самом начале своего основательного труда «Археологическая типология» признает, что археологи перестали понимать друг друга:

Название этой книги понятно всем археологам, но вряд ли хоть кто-нибудь из них сможет объяснить его так, чтобы с этим согласились остальные. Оба составляющих термина — археологическая (соотв. археология) и типология (соотв. тип) пока не имеют четких определений (примеч. xxxviii).

До сих пор нет всеми принимаемого общего определения, а значит понимания, и словечку «менталитет» (примеч. xxxix). Трудности перевода уже осознали психиатры: «Бред²⁷ — это адекватное²⁸ описание неадекватной реальности²⁹, в которой

²³ Лат. *abbas* (*atta*, греч. *abbá*); арамейск. *avva*, отче, отец. Слово «аббатиса» отражает немислимое (отец — женщина).

²⁴ Фр. *grotesque*, буквально — причудливый.

²⁵ Клир (κλήρος, *clerus*), причт, духовенство, попы.

²⁶ Лат. *reformatio*, переделка, преобразование, перестройка.

²⁷ См. лат. *frater*, товарищ; русск. *брат*. Англосакс. *breodian*, кричать, звать; ср.-в.-нем. *braten*, болтать. Также ср. с русск. *вред*.

²⁸ Лат. *adaequatus*, приравненный; вполне соответствующий, согласующийся.

²⁹ Действительности.

существует больной» (примеч. xl). Чем более засорены непонятными и неоднозначными смыслами языковые средства, тем неразумнее бред (Е.В. Косилова: «галлюцинации можно объяснить неправильной работой системы³⁰ распознавания образов. А бред — неправильной работой системы, производящей умозаключения») (примеч. xli). Бред (примеч. xlii) на русском языке усугубляется не только его засоренностью неоправданными заимствованиями, но и неясностями с происхождением многих славянских слов. Как заметил А.Н. Леонтьев, «в своей книге Л.С. Выготский не всегда находит для выражения мысли точные психологические понятия. В ту пору, когда она писалась, понятия эти еще не были разработаны» (примеч. xliii). Разработка понятий научного бреда не закончена и сейчас, наоборот, их порождение и обоснование сегодня процветает, как некогда в Средневековье.

Понятие — это отображенное в мышлении единство свойств, связей, отношений вещей и явлений (примеч. xliiv), мышление — разговор с самим собой (примеч. xlv). В допетровской России основы умения пользоваться понятийным языком закладывались при изучении буквицы, где буквы отражали понятия: «Азь, Буки, Веди, Глаголь, Добро, Есть, Живите, Зело», о чем острит знаменитый русский мим М.Н. Задорнов (примеч. xlvi).

В еврейских семьях за чертой оседлости этому не учили ребятню, лишь в новом «Положении о евреях», опубликованном 31 мая 1835 г., появилось право обучения детей евреев в гимназиях, расположенных там, где позволено жить их отцам (примеч. xlvii). После изменения правил русского правописания в 1917–1918 гг. перестали учить основам понятийного мышления и русских детей (примеч. xlviii).

Иначе говоря, Выготский бредил. Примером такого бреда, например, являются его рассуждения о предмете, который он назвал свежим для русского языка, но малопонятным, как при его жизни, так и ныне, англо-латинским словом «сексуальность»³¹.

³⁰ Греч. σύνθεσις, целое, составленное из частей; соединение.

³¹ Примеры психолингвистического бреда см. в Supplementa (дополнениях) к этой книге.

Особенное значение в этом отношении имеет комплекс Эдипа³², из сублимированной³³ инстинктивной³⁴ силы которого почерпнуты образцовые произведения всех времен и народов. Сексуальное лежит в основе искусства и определяет собой и судьбу художника, и характер его творчества. Совершенно непонятным при этом истолковании делается действие художественной формы; она остается каким-то придатком, несущественным и не очень важным, без которого, в сущности говоря, можно было бы и обойтись. Наслаждение составляет только одновременное соединение двух противоположных сознаний: мы видим и переживаем трагедию³⁵, но сейчас же соображаем, что это происходит не в самом деле, что это только кажется. И в таком переходе от одного сознания к другому и заключается основной источник наслаждения. Спрашивается, почему всякий другой, не художественный рассказ не может исполнить той же самой роли? (примеч. xlix).

Рассуждая о «переходе от сознания к сознанию», Л.С. Выготский не учел разницы между значениями нового в русском языке слова «сознание» и привычного для русских слова «совесть». Согласно В.И. Далю, «совесть является тайником души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; нравственным сознанием, чутьем или чувством в человеке; внутренним сознанием добра и зла». Выготский, как Р. Декарт, понимал сознание как способность мыслить: *Cogito, ergo sum* («мыслю, следовательно, существую»). Однако есть огромная разница между переходом от одного способа мышления к другому и переходом нутряного восприятия добра за зло и наоборот³⁶.

Перестройка русской психологии с изучения души на изучение сознания двуногих запутала русскоязычных обывателей и ученых. На недопустимость подобного рода языковых мутностей указывал в начале XIX в. М.М. Сперанский:

³² В трагедии Софокла «Эдип тиран» (Οἰδίπους τύραννος; лат. Oedipus) царь Фив Эдип убил своего отца Лая и сожительствовал с матерью Иокастой.

³³ Сублимация — возгонка, от лат. *sublimo*, возношу.

³⁴ Лат. *instinctus*, побуждение.

³⁵ Песнь козлов, лат. *tragoedia*, от греч. τραγῳδία, от τραγός, козел + ᾠδή, пение.

³⁶ Кожевников В.М. Щит и меч. М., 1968.

Первое свойство слога³⁷, рассуждаемого вообще, есть ясность. Ничто не может извинить сочинителя, когда он пишет темно. Никто не может дать ему права мучить нас трудным сопряжением понятий. Каким бы слогом он не писал, бог доброго вкуса налагает на него непременимый закон быть ясным. Объемлет ли он взором своим великую природу — дерзким и сильным полетом он может парить под облаками, но никогда не должен он улетать из виду. Смотрит ли он на самую внутренность сердца человеческого — он может там видеть тончайшие соплетения страстей, раздроблять наше чувство, уловлять едва приметные их тени, но всегда в глазах своих читателей; он должен их всюду с собой вести, все им показывать и ничего не видеть без них. Он заключил с ними сей род договора, как скоро принял в руки перо, ибо принял его для них. А посему хотеть писать собственно для того, чтобы нас не понимали, есть нелепость, превосходящая все меры нелепостей. Если вы сие делаете для того, чтоб вам удивлялись, сойдите с ума — вам еще больше будут удивляться (примеч. 1).

³⁷ В русской речи времени М.М. Сперанского слово «слог» воспринималось как ныне слово «стиль».

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru